

Н. Н. Иванов, С. Н. Волкова, К. О. Цивилёва

Мастерство интерпретации мифологических мотивов в сочинениях М. Ю. Пришвина

В статье рассмотрены проблемы художественного мастерства Михаила Пришвина и конкретизирован тип его художественного мышления как представителя русского неореализма в литературе. Авторы пытаются уточнить роль мифологических мотивов и архетипов в философии, эстетике и поэтике Пришвина, показав их функциональную сторону. Мастерство Пришвина – интерпретатора мифологических архетипов и мотивов – осмыслено в контексте актуальных для русской прозы рубежа XIX–XX веков расширения художественной выразительности и словотворчества. Тем самым дополнены научные представления о сложных явлениях в русской литературе последних на конкретном тестовом материале. Кроме того, даны новые оценки содержания и художественной формы ряда известных произведений Пришвина.

Ключевые слова: русский неореализм, проза Михаила Пришвина, функции мифологических архетипов и мотивов в художественном тексте, поэтика прозы, интерпретация текста, художественная выразительность, особенности повествования в литературе Серебряного века.

N. N. Ivanov, S. N. Volkova, K. O. Tsivileva

Skills of Interpreting Mythological Motifs in the Works by Mikhail Prishvin

The article considered the problems of Mikhail Prishvin's artistic skills and specified the type of his artistic thinking as a representative of Russian neo-realism in literature. The authors try to clarify the role of the mythological motifs and archetypes in philosophy, aesthetics and poetics of Prishvin, showing their functionality. Skill of Prishvin as an interpreter of mythological archetypes and motifs – is understood in the context of actual for the Russian prose of the turn of the XIX–XX centuries expansion of artistic expression and word creation. Thus scientific understanding about complex phenomena in Russian literature on a specific test material is supplemented. In addition, some new estimates of the content and the artistic form of a number of works by Prishvin are given.

Keywords: Russian neorealism, Mikhail Prishvin's prose, functions of mythological archetypes and motives in fiction, poetic prose, text interpretation, artistic expression, features of narration in literature of the Silver Age.

Ярким событием в литературе стали уже первые книги Михаила Пришвина. Одна из статей о нем, написанная Р. В. Ивановым-Разумником, недвусмысленно называлась «Великий Пан» [2]. В 1927 г. М. Горький заметил: «До Вас так писать никто не умел <...> Прекраснейший Вы художник, удивительно русский и в то же время удивительно оригинальный» [4, с. 348]. Пантеизм, натуралистический анимизм, натурфилософию Пришвина критика оценивала не раз [3], как и фольклоризм, сказочность его сочинений [5, с. 302], варьирование им романтизма и реализма. И все же многие аспекты художественного мастерства М. Пришвина, лирика и философа, отчасти ученого, требуют прояснения. Остановимся подробнее на этой многогранной и перспективной задаче, конкретизируя именно мастерство Пришвина как интерпретатора мифологических мотивов, на мифопоэтике его произведений.

Сам Пришвин полагал, что сочинял «собственные ежедневные мифы», которые обильно

наполнил так называемыми «личными» образами-символами: «небывалое», «страна без имени, без территории», «робинзонады», «бродяжество». Все они вышли, конечно, из мифологии, фольклора, философских теорий и верований, из широкого контекста русской литературы и культуры. И это было показательно для литературы неореализма, представители которого стремились максимально расширить художественную выразительность [1]. Большую роль в философии и эстетике Пришвина сыграл пантеизм; не зря его супруга, Валерия Дмитриевна, говорила о «мысле-образах», о данных «от природы» «интеллектуальных и нравственных идеях», через которые ее муж «видит мир» [9. Т. 1, с. 7]. В указанных здесь «собственных мифах» Пришвин интерпретировал архетипы и мотивы первочеловека (Адам), духовного роста, ухода и странствий, утраты и поиска чудесной страны, золотого века. Таким способом писатель вводил своих часто автобиографических персонажей в «дале-

кие пространства жизни» [5, с. 230], открывал в их биографии и нравственных поисках «небывалое», «мир прекрасный» [6. № 1, с. 77].

«Личные образы-символы» стали художественной находкой Пришвина. Это услышанное «из затаенной глубины человеческой личности» слово, этот «родник неиссякаемый слов, созвучных с другими людьми» [9. Т. 3, с. 39] расширяли возможности письма, прозы, давали тексту новое качество. В чем же оно состояло? Постигая сущность человека, погружая его в «довременное бытие» или поднимая «над грешной землей» [9. Т. 1, с. 284], писатель мог синтезировать любые творческие возможности его: разум и чувства, образное восприятие, фантазию, интуицию, подсознательные прозрения. Но не все давалось просто и сразу.

Какова проблематика пришвинских раздумий о человеке? Используя архетип Адама, Пришвин обострил тему современника и соотнес культурное и природное начала, мир духовный и физический, телесно-плотский. Пришвин искал «существо человека» [9. Т. 1, с. 256] в безднах между Адамом первым и Адамом вторым – Христом, и буквально разбрасывал это существо среди природных и культурных образов, ведь, по собственному признанию, его «любимое дело» – «искать и открывать в природе прекрасные стороны души человеческой» [10, с. 19]. В цикле «За волшебным колобком» сказочный лес и другие пейзажные детали метафорически отразили «светлую, чистую правду» ощущений, но и другую крайность – подсознание, глубинную психику, идущие «из самой природы» инстинкты «убийства и любви» [9. Т. 1, с. 189, 281].

В скиту на острове Анзерский (Соловки), на анзерской Голгофе автор очерков «За волшебным колобком» думал «о примитивной, стихийной душе, какую она выходит из рук Бога» [9. Т. 1, с. 234]. И здесь Голгофа, ассоциируемая с Адамом вторым (Христос), становится мерилем человека. Столь высокие душевные запросы Адаму ранних книг Пришвина еще закрыты, но грезятся как желанная перспектива. Подобный диапазон раздумий о человеке, находящемся в пути от первого Адама к Христу, актуализирует в книгах Пришвина романтический подтекст – «возвращение» к первобытному опыту и восхождение от него к человеческой духовности.

Тоска о полнокровном бытии, о «гигантском человеке» [9. Т. 1, с. 285] стала сквозной темой творчества Пришвина. Отчасти она была обусловлена горечью раздумий о лишенном гармо-

нии русском интеллигенте начала XX века. Тем сильнее писатель мечтал напомнить о мгновениях «свободы, незабываемого счастья» [9. Т. 1, с. 182], «отвести» душу так, чтобы люди «не отличались от природы» [9. Т. 1, с. 45]. В разных по времени создания книгах можно проследить сложные соотнесения человека, природы, культуры, мироощущения ребенка и подсознания взрослого, мотивы странствий, сна и прапамяти, параллели с мифом, Библией, апокрифами. Сюжет, лейтмотивы большинства очерковых циклов, повестей, романов Пришвина повторяли элементы сказочного сюжета: завязка – первоначальная беда, «почва для беды», затем – «отлучка», странствия [11. Т. 1, с. 132]. В финале беда преодолевалась заветной целью: установлением «высшего в себе», вступлением в желанную страну, будь то Азия детских снов или образы Града Небесного. Невольно или вольно произведения Пришвина получали сказочно-мифологический ракурс: сказка-быль «Кладовая солнца», повесть-сказка «Корабельная чаша», роман-сказка «Осударева дорога» и другие. И в этом смысле Пришвин существенно обогатил традиционные мифологические схемы ухода и странствий, утраты изначальной гармонии и обретения ее в виде земли обетованной, царства небесного и др. «Я везде побывал: и на севере, и на юге, и на востоке, и на западе <...> добрался и до той Азии, куда хотел убежать в детстве <...> оставил там о себе легенду, как о каком-то Черном Арабе» [9. Т. 3, с. 18.].

Съездив летом 1908 г. в Нижегородскую губернию, на Оку, в Керженские леса, на озеро Светлояр, зимой 1909 в Петербурге Пришвин написал повесть «У стен града невидимого» («Светлое озеро»). В этой книге интерпретация выделенных нами мотивов осложнена авторской трансформацией фольклорных, русских средневековых легенд о граде Китеже, старообрядческих легенд о церквях «древнего благочестия» [12, с. 224].

В Китеже Пришвина увлек миф об ином царстве русского народа, созвучный его «прекрасной стране», его невидимой церкви, «ощущению Бога, который рождается на черте, отделяющей природу от человека» [9. Т. 1, с. 459]. Такая ступень духовного восхождения выше, чем «разбросанное в лесу существо человека» первых книг. Если «народная душа» «видит несовершенство в земной церкви», то находит «утешение в церкви небесной, невидимой: так создается сказание о невидимом граде Китеже <...> очень заботливо,

искренне и талантливо, – увлекает» [9. Т. 1, с. 804].

Поиски «Бога живого» и «Царства Небесного» актуальны для русской литературы и философии рубежа веков. Их искали М. Горький, И. Шмелев, о том же, о собирательной душе России писали философы В. Соловьев, В. Розанов, С. Булгаков, Г. Федотов. Эти идеологемы или философемы варьируют мотивы утраченного рая, золотого века и типологичны пришвинской «Азии», «небывалому», «стране без имени, без территории». Но Пришвин шел скорее снизу, от «народного православия», окунувшись в быт и веру старообрядцев, сектантов, традиции русского иночества. Его записные книжки, дневники начала 1910-х несут уроки батюшек из скитов: «Очень уж я близко стою тут к жизни» [7]; «Правда одна»; «Земля неповинна – люди виноваты» [5, с. 245, 268, 271]. Пришвинский «город невидимый» у «Светлого озера» – не столько географический, сколько духовный итог движения по воде, дремучим лесам, болотам. Китеж Пришвина – это подсознательно-психологический путь за «черту в сердце», где «начинается бледный свет и особая радость и счастье» [9. Т. 1, с. 431], он символизирует изживание тревожных ожиданий, комплексов несовершенства, «социальных и родовых тягот». Знаменует путь этот и преодоление «личной» мифологемы детского несовершенства «я – маленький», предшествующей Адаму изначальному.

Возможно, первой повестью Пришвина, в которой естество человека не разрывается между человеком культурным и природой, стала повесть «Черный Араб» (1910). Не потому ли автор считал ее «свободной», «праздничной», наиболее удачной? Обсуждая с М. Ремизовым, он хотел назвать ее «Степной оборотень» [8], и так было бы точнее: проникать за аллегорические оболочки, «одежды» Мира, все равно, скалы это, фьорды Норвегии, Керженские леса или степь. Считается, что поэзия «Черного Араба» «рождена этнографией» [13, с. 9], открытием «древнего мира степи» [9. Т. 1, с. 811], но повесть глубже. В этой повести, о которой Пришвин говорил: «Моя поэзия есть акт моей дружбы с человеком, и в ней мое поведение: пишу – значит, люблю» [9. Т. 1, с. 812], – культурный человек уступил место Черному Арабу. Образ многоуровневый. Формально – это персонаж сотворенной повествователем легенды, идущей впереди его. Однажды он пустил слух о себе, что едет из Мекки, и вот уже в степи «от оазиса к оазису несут дикие кони весть о Черном Арабе» [9. Т. 1, с. 532]. Однако Черный

Араб психологически индивидуализирован и даже автобиографичен, вплоть до портретного сходства с Пришвиным; и одновременно он создан по законам фольклорной мифологизации, поскольку типологически соответствует духовной сущности архетипа бродяги. Повествователь как бы растворился в образе бродяги Черного Араба и примкнул к выведенному в этом же произведении другому мифологическому архетипу – «народного мудреца» – здесь это Исак.

Путешествуя на фоне популярных в литературе начала XX века народных легенд о Золотых горах, о земле обетованной, Пришвин-Черный араб достиг Азии географической и духовной: «настоящей пустыни», степи, «страны Ханаанской». Иначе говоря, он обрел землю обетованную как заветную цель своих странствий. Степь-природа и степь-образ жизни (быт, философия, поэзия) выписаны этнографически точно и поэтично. Охотники, пастухи, которые олицетворяют тип естественного человека и представляют его же, непросвещенные, но мудрые степные люди умеют жить и живут по Солнцу, по законам Неба и Земли. Древние соответствия природы и человека пронизывают в повести все: сцены охоты и дрессировки животных, приготовления пищи, песни, легенды. И эти люди гармоничны в себе и с внешним миром. Этика и мудрость архаичного народного сознания проступила в чудесном по глубине и поэзии диалоге повествователя и носителя «примитивной» естественной души Исака о небе и земле, о степи. «Все это видно на небе с древних времен <...> и у нас и у вас, везде одинаково»; «На небе, как на земле! <...> Как в степи» [9. Т. 1, с. 511, 512].

«Все, что я думаю, было думано и передумано <...> Сущность жизни неподвижна. Формы ее изменчивы. Мы все работаем над изменением ее формы» [5, с. 261]. Суммировав желанные цели персонажей, писатель открыл духовные возможности «среднего» человека. Герой первых книг решал проблемы инстинктов, в «Черном Арабе» он почувствовал весь мир в себе, в повести «Жень-шень» приступил к совершенствованию форм жизни, что, по Пришвину, является «требованием человеческого смысла».

Библиографический список

1. Иванов, Н. Н. Особенности внутренней формы слова в прозе А. Н. Толстого (расширение художественной выразительности) [Текст] / Н. Н. Иванов // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль:

Изд-во ЯГПУ, 2012. – № 4. – Т. I (Гуманитарные науки). – С. 214–217.

2. Иванов-Разумник, Р. В. Великий Пан [Текст] / Р. В. Иванов-Разумник // Речь. – 1911. – № 23.

3. Колтоновская, Е. Этнограф-поэт [Текст] / Е. Колтоновская // Речь. – 1912. – 13 февраля.

4. Литературное наследство. Т. 70. М. Горький и советские писатели. Неизданная переписка [Текст]. – М., 1963.

5. Пришвин и современность [Текст]. – М., 1978.

6. Пришвин, М. Леса к «Осударевой дороге». Из дневников 1909–1952 годов [Текст] / М. Пришвин // Наше наследие. – 1990. – № 1, 2.

7. Пришвин, М. М. Письмо А. М. Ремизову. 12 апреля 1910 г. [Текст] / М. М. Пришвин. – ОР ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. 634. оп. 1. ед. хр. 175. л. 12, 17.

8. Пришвин, М. М. Письмо А. М. Ремизову [Текст] / М. М. Пришвин. – ОР ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Фонд Ремизова. № 634. оп. 1. ед. хр. 175. л. 11, 12.

9. Пришвин, М. М. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 1–8 [Текст] / М. М. Пришвин. – М., 1982–1986.

10. Пришвина, В. Д. Пришвин в Дунине [Текст] / В. Д. Пришвина. – М.:1978.

11. Пропп, В. Я. Собрание трудов. Т. 1, 2. Морфология // Историч. корни волшебной сказки. Поэтика фольклора [Текст] / В. Я. Пропп. – М., 1998.

12. Славянская мифология : энц. словарь (Ин-т Слав-я и Балканистики РАН). – М., 1995.

13. Тагильцева, Л. Е. М. Пришвин [Текст] / Л. Е. Тагильцева // Очерки русской литературы 20 века. Кн. 2. Часть 2. Монографические главы (МПУ). – М., 1995.

Bibliograficheskiy spisok

1. Ivanov, N. N. Osobennosti vnutrennej formy slova v proze A. N. Tolstogo (rasshirenie khudozhestvennoj vyrazitel'nosti) [Tekst] / N. N. Ivanov // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. – YAroslavl': Izd-vo YAGPU, 2012. – № 4. – Т. I (Gumanitarnye nauki). – S. 214–217.

2. Ivanov-Razumnik, R. V. Velikij Pan [Tekst] / R. V. Ivanov-Razumnik // Rech'. – 1911. – № 23.

3. Koltonovskaya, E. Ehtnograf-poeht [Tekst] / E. Koltonovskaya // Rech'. – 1912. – 13 fevralya.

4. Literaturnoe nasledstvo. T. 70. M. Gor'kij i sovet-skie pisateli. Neizdannaya perepiska [Tekst]. – M., 1963.

5. Prishvin i sovremennost' [Tekst]. – M., 1978.

6. Prishvin, M. Lesa k «Osudarevoj doroge». Iz dnevn-ikov 1909–1952 godov [Tekst] / M. Prishvin // Nashe nasledie. – 1990. – № 1, 2.

7. Prishvin, M. M. Pis'mo A. M. Remizovu. 12 apre-lya 1910 g. [Tekst] / M. M. Prishvin. – OR GPB im. M. E. Saltykova-SHHedrina. F. 634. op. 1. ed. khr. 175. l. 12, 17.

8. Prishvin, M. M. Pis'mo A. M. Remizovu [Tekst] / M. M. Prishvin. – OR GPB im. M. E. Saltykova-SHHedrina. Fond Remizova. № 634. op. 1. ed. khr. 175. l. 11, 12.

9. Prishvin, M. M. Sobra-nie sochinenij : V 8 t. T. 1–8. [Tekst] / M. M. Prishvin. – M., 1982–1986.

10. Prishvina, V. D. Prishvin v Dunine [Tekst] / V. D. Prishvina. – M.:1978.

11. Propp, V. YA. Sobra-nie trudov. T. 1, 2. Mor-fologiya // Istorich. korni volshebnoj skazki. Poehtika fol'klora [Tekst] / V. YA. Propp. – M., 1998.

12. Slavyanskaya mifologiya. EHnts. Slovar' (In-t Slavya i Balkanistiki RAN). – M., 1995.

13. Tagil'tseva, L. E. M. Prishvin [Tekst] / L. E. Tag-il'tseva // Ocherki russskoj literatury 20 veka. Kn. 2. CHast' 2. Monograficheskie glavy (MPU). – M., 1995.